

**ТОТАЛИТАРИЗМ
И
ТОТАЛИТАРНОЕ СОЗНАНИЕ**

Выпуск 6

ТОМСК

2005

7. Кривозудов, Борис. Растяжки и противовесы // Вечерний Томск // Итоги. – 2004. – 20 марта. – С. 6.
8. Там же.
9. Подробнее см. Ключко В.Е., Галажинский Э.В. Самореализация личности: системный взгляд / Под редакцией Г.В. Залевского. – Томск: Издательство Томского университета, 1999. – 154 с.
10. Кемеров, В.Е. Концепция радикальной социальности // Вопросы Философии. – 1999. - № 7. – С. 3–14.
11. Зверн. Районные кварталы [электронный ресурс]. – Музыкальный компакт диск. – М.: CD Land Records, 2004. – 1 электронный оптический диск (CD-ROM).
12. Ментальность // Философский энциклопедический словарь. М.: Инфра – М, 1999. – С. 263.
13. Юревич, А.В. Психологические особенности Российской науки // Вопросы Философии. – 1999. - № 7. – С. 3–14.
14. Толерантность // Философский энциклопедический словарь. – М.: Инфра – М, 1999. – С. 457.
15. По материалам Российской прессы, а также телеканала Euro News.
16. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. – М.: Юридическая литература, 1993. – 64 с.

Рожнёва Ж. А.

Политические судебные процессы в Западной Сибири в период «большого террора»

Во второй половине 1930-х годов репрессивная политика советского государства характеризовалась постоянным усилением репрессий, которые достигли своего пика в 1937-1938 гг. Массовые репрессивные акции этого периода получили в литературе название «большого террора», что вполне соответствует масштабам и формам развернувшегося государственного насилия. В реализации политики массовых репрессий, наряду с органами государственной безопасности, участвовали и суды.

К началу «большого террора» в стране сложилась целая система судебных органов, к подсудности которых относились так называемые контрреволюционные преступления. Так, на территории Западной Сибири в разное время действовали

Специальные коллегии Западносибирского и Алтайского краевых судов, Новосибирского и Омского областных судов [1], Нарымский и Тарский окружные суды, линейные транспортные суды, военные трибуналы. Политические дела рассматривали также выездные сессии Военной коллегии СССР. Кроме того, были приняты специальные законодательные акты, ограничивавшие права обвиняемых [2].

Необходимо отметить, что массовые репрессии в 1937-1938 гг. осуществлялись в большинстве своем во внесудебном порядке «тройками» и «двойками». Например, Спецколлегия Западносибирского краевого суда, а затем Новосибирского областного суда в 1937 г. осудила за контрреволюционные преступления лишь 654 чел., во втором полугодии 1938 г. – 508 чел. [3]. Таким образом, на фоне огромного количества репрессированных внесудебными органами число осужденных судами по политическим обвинениям оказалось несоизмеримо меньшим. Во многом это объясняется тем, что исполнение «массовых операций», по которым проходило большинство репрессированных, изначально планировалось возложить на внесудебные органы. Судебная система просто не могла пропустить через себя такое количество «врагов народа» и в силу ограниченности ресурсов, и в силу своей институциональной природы, поскольку даже в условиях тоталитарного государства суд должен был соблюдать хотя бы видимость процессуальных норм.

Тем не менее обстановка «большого террора» наложила свой отпечаток на реализацию судебных политических репрессий. Судебное преследование являлось частью общего механизма массовых репрессий, а суды и прокуратура, фактически действовали заодно с органами государственной безопасности. В качестве отличительной черты этого периода можно выделить и то, что количество открытых показательных процессов резко возросло.

Показательные судебные процессы по политическим делам в 1937-1938 годах организовывались как вследствие всеобщего усиления репрессий, так и в связи со специальными требованиями их проведения, поступавшими из центра. Так, осенью и зимой 1937 г. по всей стране, прокатилась волна показательных судов над руководителями районных партийных и советских органов, различных государственных и хозяйственных учреждений, колхозов и совхозов. Их организация была связана с прямыми указаниями секретариата ЦК ВКП(б) в лице И.В. Сталина и В.М. Молотова, которые содержались в шифротелеграммах от 3 августа и 2 октября 1937 г., адресованных секретарям обкомов, крайкомов ВКП(б) и ЦК нацкомпартий [4]. В Западно-Сибирском крае в

сентябре-декабре 1937 г. состоялись процессы над руководителями Северного, Курьинского, Барабинского, Повичихинского, Венгеровского, Купинского и других районов края [5]. Эти процессы, проводившиеся в рамках общегосударственных репрессивных акций, тщательно готовились под непосредственным руководством партийных органов. Судебное преследование «вредителей» и «саботажников» в различных колхозах и совхозах, районных организациях продолжалось и в 1938 г., особенно в августе-октябре, когда проходили уборочная и хлебозаготовительная кампании [6].

На деятельность «врагов народа» власти списывали многочисленные «прорывы» в сельскохозяйственной отрасли, которые фактически являлись следствием форсированной коллективизации. Обвиняя исполнителей, государство снимало с себя ответственность за проведение непопулярной политики.

В 1937-1938 гг. в открытом показательном порядке в больших количествах слушались и дела вредителей-диверсантов, якобы орудовавших в промышленности, а также различных террористов и террористических групп. Так, Военный трибунал СибВО провел целый ряд процессов по ст. 58-8 УК: о подготовке «злодейского убийства» стахановки, кандидата в депутаты Верховного Совета СССР А.Е. Каратаевой; о вредительской группе террористов и диверсантов, орудовавшей на шахте «Черная гора» в г. Прокопьевске, и другие [7]. Показательные суды прошли также над инженерно-техническими работниками промышленных предприятий, в том числе процесс над контрреволюционной группой саботажников на Барнаульском Алтметаллзаводе (июнь 1937 г.); над «троцкистско-бухаринской шпионо-диверсионной фашистской бандой» на шахте имени Молотова в г. Прокопьевске (декабрь 1937 г.); над вредительской группой в Сталинске (май 1938 г.) и другие [8]. Подсудимые обвинялись в основном в создании вредительских и диверсионных групп с целью подготовки и проведения аварий, вывода из строя механизмов. Нередко присутствовало обвинение в невыполнении планов, например, по добыче угля. Налицо, как видим, все то же стремление отнести все огрехи производства на счет деятельности конкретных врагов народа.

В отличие от показательных процессов основная масса дел, проходивших через специальные коллегии, включала дела по обвинению в контрреволюционной агитации. Так, доля осужденных спецколлегией Западно-Сибирского краевого, а затем Новосибирского областного суда по ст. 58-10 УК в 1937 г. составляла 65,9%, во втором полугодии 1938 г. – 83,1% [9]. На показательных процессах подобные обвинения присутствовали

лишь как вспомогательные. Отсутствие показательных судов по столь распрямленным обвинениям, очевидно, было связано с рядом причин. С одной стороны, сам «жанр» показательного процесса предполагал наличие громких и значительных обвинений, в то время как большинство дел о контрреволюционной агитации на поверку оказывались несостоятельными, поскольку основывались на обывательских разговорах или незначительных критических высказываниях отдельных людей. С другой стороны, обвинения в контрреволюционной агитации, сколь абсурдными они не были, зачастую содержали неприятные для властей моменты, например, изобличения реального, далеко неблагоприятного положения «трудящихся масс».

Для периода «большого террора» характерна и значительная активизация деятельности Военной коллегии Верховного суда СССР, выездные сессии которой побывали во многих регионах страны [10]. Даты осуждения дают основание утверждать, что выездные сессии ВК ВС СССР в регионах Западной Сибири разбирали дела в апреле-мае, августе, октябре 1937 г., а также в июне-августе, октябре 1938 г. Через суд Военной коллегии ВС СССР по 1-й категории на территории Западной Сибири прошли 1612 человек [11].

Обращаясь в целом к судебным репрессиям по политическим делам, проходившим в период «большого террора», необходимо подчеркнуть ряд моментов. В отличие от предшествующих лет наблюдалась крайняя политизация обвинений, которая выражалась в распространении обвинений в организованной форме контрреволюции, что вело к «обнаружению» везде и всюду всевозможных организаций и группировок «врагов народа».

Большое распространение получили политические судебные процессы показательного характера, причем и в центре, и на местах. Известные «московские» процессы представляли собой грандиозные судебные спектакли, на которых в качестве подсудимых выступали выдающиеся члены партии, ее элита. На показательных процессах, проходивших в регионах, осуждали руководителей более низкого ранга, однако тоже весьма значительных в местном масштабе. Эти процессы как бы воспроизводили на региональном уровне модель московских судебных спектаклей. В то же время большинство местных процессов отличались от тех, что проходили в Москве. Прежде всего, суды над высокопоставленными партийцами были тесно связаны с укреплением личной власти Сталина и от начала до конца организовывались при его непосредственном участии. Местные показательные процессы не подвергались столь детальному контролю центра, хотя и организовывались зачастую

по непосредственному указанию Сталина. Несмотря на высокую степень политизации обвинений, региональные процессы представляются более утилитарными. Они были направлены на решение местных, в большинстве своем хозяйственных и социальных проблем, точнее, создавали видимость этого. Кроме того, региональные показательные процессы, проходившие практически на «местах преступлений», были в наибольшей степени приближены к обычному человеку. Это придавало местным процессам больший психологический эффект.

В то же время следует заметить, что организация показательных и обычных процессов по политическим обвинениям была напрямую связана с реализацией планомерной государственной политики массового террора. Поэтому судебные репрессии, проходившие на местах, также как репрессии вообще, затронули практически все слои населения, включая рядовых колхозников и рабочих, а не только представителей руководящих структур.

Политические судебные репрессии в рассматриваемый период, помимо собственно осуждения «врагов народа», выполняли ряд других специфических функций. Прежде всего, их организация диктовалась необходимостью пропагандистской поддержки развернувшихся в стране массовых репрессий. Судебные процессы, в первую очередь показательные, были призваны продемонстрировать наличие «врагов», что называется, «во плоти и крови» и мобилизовать население на их повсеместное разоблачение. Предъявляя обществу искомым врагов, судебные процессы позволяли перекладывать на них ответственность за существующие в стране трудности. Наконец, рассмотрение политических дел в судебных органах, с видимым соблюдением принятых процессуальных норм, создавало впечатление вполне законной процедуры, поскольку методы следствия и предрешение заранее приговоров сохранялось в тайне. Судебные политические процессы призваны были таким образом прикрывать массовый внесудебный террор и отчасти способствовать его легитимации.

ЛИТЕРАТУРА

1. В декабре 1934 г. из состава Западно-Сибирского края была выделена Омская область, а в сентябре 1937 г. край был разделен на Новосибирскую область и Алтайский край. См.: Административно-территориальное деление Сибири. (Справочник). Новосибирск, 1966. С. 121.

2. Например, широко известные постановления ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. и от 14 сентября 1937 г. // Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 33-34.

3. Государственный архив Новосибирской области (ГАОНО). Ф. Р-1027. Оп. 10. Д. 4. Л. 7, 16, 30, 48; Ф. Р-1199. Оп. 1. Д. 4. Л. 156-156 об.

4. Архивы Кремля и Старой площади. Документы по «делу КПСС». Анно-

тированный справочник документов, представленных в Конституционный суд Российской Федерации по «делу «КПСС». Новосибирск, 1995. С. 19-20.

5. Советская Сибирь. 1937. 20 сент.; Красное знамя. 1937. 12, 15, 17 окт., 3, 5 дек.; ГАНУ. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 872. Л. 3 об.; Центр хранения архивного фонда Алтайского края. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 61. Л. 143-146.

6. См., например, Советская Сибирь. 1938. 6 авг., 18, 20-21 сент., 2 окт.; Красное знамя. 1938. 30 сент.; Красный Алтай. 1938. 16, 22 сент., 9 окт. и др.

7. Красное знамя. 1937. 3 дек.; Советская Сибирь. 1938. 21 марта.

8. Красный Алтай. 1937. 17, 20 июня; Советская Сибирь. 1937. 7 дек.; 1938. 10 мая.

9. Подсчитано автором по данным отчетов Западно-Сибирского краевого и Новосибирского областного судов (ГАНУ). Ф. Р-1027. Оп. 10. Д. 4. Л. 7, 16, 30, 48; Д. 17. Л. 45).

10. Сталинские расстрельные списки [Электронный ресурс]. М: Изд-во «Звенья», 2002. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Подсчитано автором на основе Справки о количестве лиц, осужденных Военной Коллегией Верховного суда СССР за 1937 и 1938 годы к ВМН – расстрелу по республикам, краям и областям по спискам НКВД, санкционированным в ЦК ВКП(б) (составлена в 1957 г.) // Источник. 1999. № 5. С. 81-84.

Саркисова О.Ю.

Тоталитаризм и тоталитарное сознание

Не секрет, что многие кровавые страницы истории развития человечества связаны с определенными политическими режимами. Оправдать необходимость крайней жестокости – безуспешная попытка многих идеологов, стремящихся связать действия с особыми чертами менталитета, привязать их к географическим границам. Понятие тоталитаризма, о чем собственно и пойдет речь, не имеет национальной принадлежности, но обладает особенностями, проявляющимися в определенных условиях и при наличии некоторых общих идеалов.

Термин тоталитаризм происходит от латинского TOTALIS – весь, целый, всеобщий. На первый взгляд не угрожающее определение, несет в себе смысл всеобъемлющей, полной власти над умами. Привычные социальные отношения подменяются принципиально новыми порядками, основанными на полном.